

занял место, стал в позицию нормального» (Шварц Е. Живу беспокойно...: Из дневников. Л., 1990. С. 283). Романы С. «Лавровы» (опубл. 1926, 2-я ред. 1953) и «**Фома Клешнев**» (1931) с добротной психологической достоверностью поведали о сложной перестройке интеллигентского сознания в эпоху революционных потрясений. Ищущий правды, стремящийся к самоопределению Борис Лавров, преисполненный ложной значительности Григорий Жилкин, практик революции Фома Клешнев, как и прочие персонажи диалоги, подчинены железному историческому закону. Их жизненные пути расходятся, пересекаются, идут параллельно, но всегда чувствуется общий магистральный план переделки личностей.

Стремясь окончательно утвердиться в правоте нового уклада, после создания гротескной повести «**Средний проспект**» (1927) о «жизни пластов нэповского мещанства» С. переключается на разоблачение буржуазного Запада. Побывав летом 1932 в Берлине, в ряде очерков он четко обрисовал лицо страны, стоящей в преддверии фашизма, а затем в «**Повести о Левинэ**» (1935), основанной на документах и мемуарных сведениях, рассказал о трагедии Баварской республики. Черты характера немецкого коммуниста окажутся созвучными облику советского пограничника Андрея Кобицына из одноименной повести С. (1937): полная бескомпромиссность при подчинении революционному долгу. В годы Отечественной войны, как и раньше, С. сотрудничал в ж. «Пограничник», писал о героизме на фронте и в тылу (сб. «**Родной дом**», 1942; повесть «**Стрела**», 1945). «В послевоенные годы,— рассказывал С.,— в атмосфере, создававшейся культом личности, положение мое, как и многих других, становилось все более шатким. По совету Б. Горбатова я уехал из Ленинграда в Москву, где в основном и работал до весны 1953. Читал много рукописей, альманахов, книг в областной комиссии Союза писателей, много ездил по стране. Давно зрел у меня замысел романа о первых годах Советской власти. В Москве я начал писать его. Я стремился в нем вызвать к жизни тех людей, которые готовили революцию в большевистском подполье, кто совершил Октябрьскую революцию, в голоде, холоде, нищете победил белогвардейцев и интервентов в боях гражданской войны, а затем, в условиях нэпа, строил Советское государство» (Автобиографии... С. 634). Замысел осуществился, трилогия была написана («**Инженеры**», 1950; «**Друзья**», 1954;

«**Ровесники века**», 1959), но сенсации не произвела, как и роман «**Семь лет спустя**» (1963), посвященный, по словам автора, «проблеме борьбы с последствиями культа личности». В последние годы жизни С. постоянно печатал выразительные воспоминания о писателях-современниках. В 1939 был награжден орденом «Знак Почета», а в 1957 — орденом Трудового Красного Знамени.

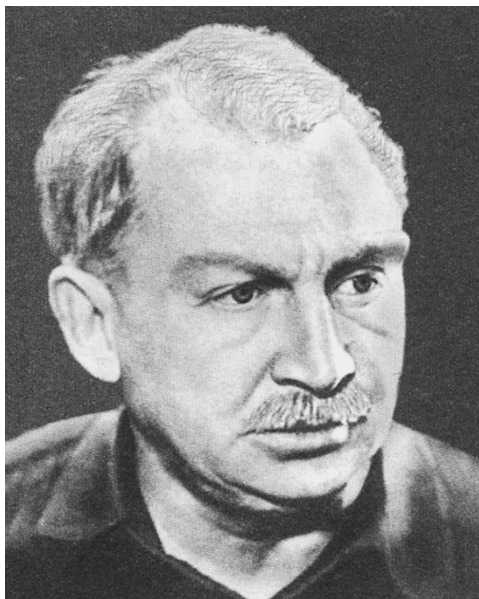
Соч.: Т. 1–4. М.; Л., 1927–28; СС: в 4 т. Л., 1969–70; Инженеры. Друзья. Ровесники века. Л., 1961, и др. изд.; Книга воспоминаний. М.; Л., 1966; Завтра: Из записок старого человека. Л., 1970; Избранное: в 2 т. Л., 1980; Дневниковые записи, заметки, случаи // Нева. 1987. № 2. С. 168–171.

Лит.: Горелов А. Путь современника: О творчестве М. Слонимского. Л., 1933; Луговцов Н. Михаил Слонимский: Критико-биографический очерк. Л., 1966; Филиппов Г. Ровесник века // Звезда. 1973. № 8. С. 213–218; Рахманов Л. Он жил литературой // Нева. 1977. № 8. С. 200–202; Сажин В. Принципиально добрый человек // Звезда. 1977. № 8. С. 179–185; Горышин Г. Жребий. Рассказы о писателях. Л., 1987.

Г. В. Филиппов

СЛУЦКИЙ Борис Абрамович [7.5.1919, Славянск, Донецкой губ.— 23.2.1986, Тула] — поэт, переводчик.

В 1941 окончил Лит. ин-т им. М. Горького, тогда же опубликовал первые стихи. Участник Великой Отечественной войны. Вновь

Б. А. Слуцкий

стал печататься в 1953, а в 1957 вышла первая книга стихов С. «Память», за которой последовали «Время» (1939), «Сегодня и вчера» (1961), «Работа» (1964), «Современные истории» (1969), «Годовая стрелка» (1971), «Доброта дня» (1973), «Продленный полдень» (1975), «Неоконченные споры» (1978) и «Сроки» (1984). Сквозной для всего творчества поэта является тема великой войны, которая со временем все больше дополняется стихами о прошлой и совр. советской истории.

С. — поэт подчеркнуто реалистического, гражданского стиля, его суровый реализм сродни реализму тургеневского Базарова: он основан на эмпирическом опыте и обнаженных фактах действительности, чужд какому-либо эстетизма, любования прекрасным, в нем отсутствует интимная тема (тема любви к женщине) и практически нет пейзажной лирики. Лиризм С. имеет глубоко демократический характер, его истоки — в любви и чуткости поэта к простому человеку.

Поэзия С. испытывает определенное стилистическое родство с произведениями Маяковского. Свообразие творческой индивидуальности и поэтики С. достаточно полно и цельно раскрылось уже в первой и программной книге его стихов «Память», особенно в стихах о буднях фронтовой жизни. В стих. «Последнею усталостью устав...» С. на первый взгляд дает простую документальную фотографию убитого солдата, но страстный и художественно выразительный комментарий поэта придает запечатленной картине монументальный и трагический характер: «Лежит солдат. / Он мог лежать иначе, / Он мог лежать с женой в своей постели, / Он мог не рвать намокший кровью мох, / Он мог... / Да мог ли? Будто? Неужели? / Нет, он не мог. / Ему военкомат повестки слал. / С ним рядом офицеры шли, шагали. / В тылу стучал машинкой трибунал. / А если б не стучал, он мог? / Едва ли. / Он без повесток, он бы сам пошел. / И не за страх — за совесть и за почесть. / Лежит солдат — в крови лежит, в большой, / А жаловаться ни на что не хочет». Убитый солдат, как и сам поэт, — человек долга и чести, он воевал «не за страх — за совесть и за почесть», но С. не скрывает, что исполнить до конца свой долг солдату по-своему «помогали» и военкомат, и офицеры, и трибунал. Сцена смерти солдата имеет трагический и монументальный характер.

Автобиографический мотив присутствует в стихах «Я говорил от имени России...»: «Я был политработником. Три года — / Сорок

второй и два еще потом»; «Политработа — трудная работа. / Работали ее таким путем: / Стою перед шеренгами неплотными, / Рассеянными час назад в бою, / Перед голодными, перед холодными, / Голодный и холодный. Так! Стою. / Им хлеб не выдан, им патрон недодан. / Который день поспать им не дают. / И я напоминаю им про родину. / Молчат. Поют. И в новый бой идут. / Все то, что в письмах им писали из дому, / Все то, что в песнях с их судьбой сплелось, / Все это снова, заново и сызнова, / Коротким словом — родина — звалось». Именно глубоко личное, самоотверженное, выстраданное отношение к своему общественному, патристическому долгу рождало в душе поэта и тех, с кем он вел политработу, высокую патетику, сдержанную и мужественную.

В стих. «Баня» оживает послевоенная — в са в ранах и рубцах — действительность; здесь ничего не сказано о культуре личности Сталина, но все, запечатленное в стихотворных строках, красноречиво говорит об антикультовской направленности произведения, о его принадлежности времени «оттепели»: «Там ордена сдают вахтерам, / Зато приносят в мыльный зал / Рубцы и шрамы — те, которыми / Я лично больше б доверял... / Там тело всякого мужчины / Исчеркали война и труд». В бане царит настоящая демократия, при которой каждый человек может гордиться своими трудовыми и боевыми заслугами: «Там рассуждают о футболе. / Там с поднятою головой / Несет портной свои мозоли, / Свои ожоги — горновой». Они с честью вынесли на себе все тяготы и испытания жестокого века: «Но бедствий и сражений годы / Согнуть и сгорбить не смогли / Ширококоственную породу / Сынов моей большой земли».

В будничном, каждодневном и преходящем С. умеет видеть историческое значительное. Эта способность поэта отражена в заглавии его книги стихов «Современные истории». В его поэзии предстала в лирическом освещении вся советская история в ее повседневных проявлениях. Это позволило Ю. Л. Болдыреву, исследователю, комментатору и публикатору творческого наследия С., составить, воспользовавшись идеей, содержащейся в стих. «Я учитель школы для взрослых...», интересную книгу поэта «Я историю излагаю» (1990), в которой стих. расположены не по хронологии их написания, а по хронологии отраженных в них событий. Получился своеобразный лирический эпос С., без которого трудно познать настоящую, правдивую историю советского общества.

Поздний С., начиная примерно с книги стихов «Продленный полдень», немало раз-

мышляет о жизни и смерти, дает «обоснование элегии», но при этом испытывает «непривычку к созерцанию», ставит перед собой задачу «пробиться сквозь обыденность» к идеальному и вечному. Поэт говорит, пусть подчас грубовато и иронически, о душе, о «ладе мировом», о Платоне, боге (конечно, с маленькой буквы) и родственниках Христа, о золотых куполах Юона, о Боттичелли с его утонченной и божественной Венерой (см. стих. «**Рай**»), но остается реалистом и атеистом. Романтические атрибуты всех этих мотивов свидетельствовали не об отступлении С. от своего подчеркнуто реалистического мировосприятия, а только обозначили его границы. С. до конца оставался самим собой. Следуя своему суровому реализму, он не желал испытывать никакой восторженности даже перед красотой и величием мира. Он был готов бросить вызов этому величию. Потому и были так беспощадны строки, выражавшие философскую позицию поэта: «Вогнутый выпуклого не поймет. / Сытый голодного не оценит. / Что их рассудит? Один пулемет. / Кто их помирят? Тот, кто их сменит. / Нету надежд внутри жизни, внутри / века, внутри настоящего времени. / Сможешь — засни, заморозься, замри / способом зернышка, малого семени».

Значителен труд С.-переводчика. Он переводил П. Неруду, Н. Хикмета, Э. Межелайтиса и мн. др. поэтов, стремясь содействовать сближению разных народов и стран: «Работаю с неслышанной охотой / Я только потому над переводами, / Что переводы кажутся пехотой, / Взрывающей валы между народами... / Пучины розни разделяют страны. / Дорога нелегка и далека. / Перевожу, как через океаны, / Поэзию в язык из языка».

Соч.: Память: стихи. 1944–68 / вступ. статья Л. Лазарева. М., 1968; Избранное. 1944–77 / предисл. К. Симонова. М., 1980; Стихотворения / вступ. статья Е. Евтушенко. М., 1989; Стихи разных лет. Из неизданного. М., 1988; О других и о себе. М., 1991; СС: в 3 т. / вступ. статья [Т. 1], сост., подгот. текста и комм. Ю. Болдырева. М., 1991.

Лит.: Аннинский Л. Тридцатые — семидесятые. М., 1977. С. 157–169; Чупринин С. Борис Слуцкий: Школа долга // Чупринин С. Крупным планом. М., 1983; Урбан А. На пределе риска: Борис Слуцкий // Урбан А. В настоящем времени. Л., 1984; Лазарев Л. «Покуда над стихами плачут...»: О Борисе Слуцком // Вопр. лит-ры. 1988. № 7; Лавлинский Л. Без уступок: Уроки Бориса Слуцкого // Лит. обозрение. 1989. № 7; Мацкин А. О Борисе Слуцком и не только о нем // Лит. обозрение. 1990. № 5; Самойлов Д. Друг и соперник // Знамя. 1992. № 9; Елисеев Н. Путь Бориса Слуцкого // Звезда. 1995. № 5.

М. Ф. Пьяных

Я. В. Смеляков

СМЕЛЯКОВ Ярослав Васильевич [26.12.1912 (8.1.1913), Луцк Волынской губ.— 27.11.1972, Москва] — поэт.

В поэзию С. пришел из рабочего цеха и всегда подчеркивал в стихах кровную принадлежность к пролетариату, гордился тем, что он — поэт-рабочий, что «обе его основные профессии родственны» (Соч. Т. 3. С. 6). Работая в одной из московских типографий, юный С. по счастливому стечению обстоятельств сам набирал те страницы ж. «Октябрь», где печаталось его первое стих., а позже — свой поэтический сб. «**Работа и любовь**» (1932). В названии этого раннего сб. выражена доминанта всей поэзии С.: органическое единство социального, гражданского, пафосно-витийственного начала и нежного, лирико-элегического. В 1963 С. вновь назовет свою книгу стихов «Работа и любовь».

Яркий и талантливый представитель поэтического поколения 1930-х, С. вместе с друзьями-поэтами Б. Корниловым, П. Васильевым и др. создавал лирический образ современника, который не только трудился, ходил на собрания, но ощущал все богатство мира, его красоту, имел тонкую любящую душу, многообразный мир чувств. Герой раннего С. — это «молодой веселый человек», идущий по дорогам жизни и ощущающий свое кровное родство с временем. Это не винтик, а хозяин, который хочет «усталыми руками / Трогать свой незавершенный мир» (Соч. Т. 1.